

Министерство культуры Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»**

Свадебный обряд в Кирилловском уезде

И.В. Романова

Традиционная русская свадьба представляет собой сложный комплекс, включающий в свой состав разнообразные по своему происхождению, характеру и функциям элементы: ритуальные действия символического, магического и игрового характера, материальная культура (например: одежда, пища), а также словесный и музыкальный фольклор. При сохранении общерусской основы свадебный обряд в разных районах имел свои специфические черты.

В данной статье предпринята попытка объединить информацию о свадебных традициях в Кирилловском уезде, собранных из разных источников, показать моменты свадебного обряда, отличавшие его среди других уездов Вологодской губернии.

В северной традиции русского свадебного чина, который исследован наиболее полно в Вологодской области, четыре основных этапа: сватовство, подготовка к браку, свадебная церемония и утверждение свершившегося брака.

Свадьба игралась после окончания сельскохозяйственных работ осенью и в зимний мясоед (время между рождественским и великим постами). До этого происходил выбор невесты. Обыкновенно парни высматривали себе невесту в большие праздники у церкви или на гулянье, а зимой – на вечеровании или посиделке.

В Кирилловском уезде пользовались услугами свата (женатого мужчины), жених брал в сваты кого-нибудь из родственников невесты. Но чаще, особенно в прежнее время, сваты ездили без него («встарь жениху самому сватать не полагалось»). Позднее жених стал ездить на сватовство вместе с родственниками – отцом, матерью и другими.¹

Для счастливого исхода сватовства, когда сват выходил из дома жениха, его били бабьим кокошником и напутствовали песней: «Как ты съидеешь, да добрый молодец, / На цюжую да дальню сторону, / Там ты попримить, да добрый молодец, / С весела ли да пир заводиться...».²

Сват приходил в невестину деревню, останавливался в другой избе у знакомого и просил предупредить родителей невесты (обычно посылали мальчишку) о своем намерении. Там готовили самовар, чай и другое угощение, затем отправляли к свату с приглашением. Невеста, как правило, уходила куда-нибудь из дома.

В Кирилловском уезде сваты, войдя в избу и перекрестясь, подходили к печурке и рылись в пепле. Насыщенность данного ответственного момента предсвадебного периода магическими приемами, действиями и приметами, призванными способствовать успеху, прояснить обстановку, относилась, главным образом, к значимым местам дома – очагу, святому углу, местам пребывания духов предков. Смысл этих действий заключался в приобщении к родовым святыням, местам пребывания духов предков, в стремлении заручиться их поддержкой.³

Обычно сваты прямо не говорили о цели своего прихода, хотя хозяева, конечно, сразу же замечали их особое (ритуальное) поведение, но вида не подавали. Как правило, переговоры начинались издалека. Сначала пришедшие осведомлялись о состоянии здоровья родственников невесты, о текущих событиях в деревне или волости, о житейских мелочах дня и т. п. и только затем приступали к делу. Часто для объяснения пользовались готовыми традиционными формулами. Нередко сваты прибегали к иносказаниям: «Нет ли у вас телушки продать?». Велись переговоры в форме простой беседы. Кирилловские сваты на приглашение садиться отвечали: «Мы не сидеть пришли, а сватать. У нас жених есть, а у вас невеста». «Милости просим, милости просим», – отвечали хозяева, угощали

чаем. Дело пока откладывали на день, на два, на три и назначали день для рукобитья, приглашая: «Приходите с вином».⁴

После сватовства отец, мать, братья и кое-кто из близких невесты ездили «смотреть место». В Кирилловском уезде обряд осмотра хозяйства жениха именовался «просватки».⁵ Осматривали каждый уголок. Осматривали хозяйство придирчиво: «Гумна, анбары осмотрят, во двор сходят, в конюшню. Каков скот, как кормили? На гумно сходят. Теперь с обыском так не ходят, как раньше ходили место смотреть!». Иногда жених выставлял на место своего чужое имущество.⁶ Если место понравилось, то начинали торговаться – сколько дать за невесту. Если отказывали жениху, то дорого просили. Обыкновенно жених давал от 3 до 20 руб. (бывало, одна невеста стоила 3 рубля, а другая – целых 40). Пока уговаривались, никто никого не угощал, хотя стол был накрыт – но если дело решалось в хорошую сторону, то садились за стол. В случае того, если родителям невесты место не понравилось и они жениху отказали, парни отплачивали за своего товарища тем, что перерубали завертки оглобелю у саней и, одним словом, всячески старались досадить – бросали снегом, насмехались.

Когда родители приезжали обратно, то невеста встречала их. Ей сообщали, что ее просватали. Она начинала причитать. После просватанья невеста не выходила из дому, даже в церковь. Под Кирилловым невеста причитала каждому входившему в избу, причем сидела больше на сундуке в переднем углу, при ней находилась чашка холодной воды – для промачивания горла. Затем невеста начинала шить полотенца. Жених приходил один раз с гостинцами и угощением. У жениха в доме, как «посмотрят место, молятся Богу и засветят свечку».⁷

Рукобитье в Кирилловском уезде было дня через два после сватовства. Когда жених приезжал, с него просили денег, а он одаривал всех присутствовавших. После праздничного обеда мать невесты подносила дары: рубаху – свекровке, семейникам – по полотенцу, свату – плат, а свахе – повойник (головной убор замужней женщины, надевавшийся на лоб и имевший сзади «задерезки» (готяшики); сам повойник был ситцевым, а готяшики – шерстяными). Жених получал полотенце, которое впоследствии повязывал на дугу, когда «ехал за невестой». За дары жених давал невесте на платье. Девери и золовки получали по поясу, причем женские и мужские пояса различались между собой (женские ткали «лопаткой», а мужские – в «кружках»). Сваты отдаривали деньгами за все подарки.

Во время рукобитья невеста была «сдоблена баско» (красиво одета) и все время, пока сваты находились в доме, сидела, покрытая платком. К вечеру уговаривались о дне свадьбы, «который день венчальный». После ухода сватов девушка, сидя с плакушей (причитальщицей) по одну руку и подружкой по другую, начинала причитать. При этом плакуша пела основной текст, а невеста продолжала. По окончании причета одни из присутствовавших женщин утешали невесту: «Не плачь, не плачь, целая неделя плакать, тут всю голову разрушишь», а другие, напротив, говорили: «Не заунимайте, не заунимайте, пусть она поплачет, как не наплачется за столом, тогда наплачется за столбом».⁸ После рукобитья до вечеринки девицы каждый вечер приходили к невесте петь песни под окошком. Пели «Не тошно ли тебе» и пр.⁹ В первый раз определенного ответа не было, назначались дни для дальнейших переговоров, как говорили, «сговоров» в Кирилловском уезде.¹⁰ «Сговор» был фактически вторым этапом сватовства – формальное запроссватывание, его деловая часть, хозяйственные расчеты, выявлявшие экономическую сторону взаимоотношений между семьями жениха и невесты. В этот день обычно договаривались о дне свадьбы и ее устройстве, о числе гостей, о дарах со стороны невесты

и жениха, приходили к окончательному соглашению о приданом. После этого дня священник оповещал приход о паре, вступающей в брак.

Моление Богу перед иконами с зажженными свечами многократно происходило на протяжении всей свадьбы. Но «богомолье», связанное с окончанием переговоров и решением играть свадьбу, выделялось в самостоятельный, особо значимый акт. В Кирилловском уезде богомолью могли посвятить специальный день или включить его в другие предсвадебные этапы, например, в рукобитье или просватки.¹¹ По окончании моления жениху вручали ширинку (плат). Иногда «по платы» за неделю до свадьбы приезжали родители и близкие жениха. С этого момента жених и невеста считались «образовавшимися», в Кирилловском уезде парня и девушку называли «нареченным» и «нареченной», после чего изменять условия брака считалось большим грехом. Верили, что изменщику или изменщице Бог не даст счастья в жизни.¹²

Предсвадебная неделя в Кирилловском уезде называлась «зореньки» (утренние и вечерние причитания невесты на неделе).¹³ Если сватовство сводилось, главным образом, к получению согласия на брак и выявлению экономических отношений и обязательств между двумя семьями, то после сговора начинался новый этап – период подготовки к свадьбе. Как и сватовство, он имел разные стороны. Одна – это реальная, хозяйственная деятельность по подготовке к свадьбе. Другая, не менее важная – это эмоциональная, психологическая подготовка невесты, жениха и их родителей, а в первую очередь, конечно, со стороны невесты, к предстоящему событию – браку. На такую подготовку были направлены основные обряды и ритуалы, совершаемые после сватовства.¹⁴

Одним из наиболее важных обрядов последних предвенчальных дней является девишник. В Кирилловском уезде он включал обрядовые действия, связанные с прощанием невесты с девичьей волей, и девичий вечер, на котором собирались подружки. Накануне свадьбы, утром, невеста созывала всех подруг к себе в гости. Мать приходила в избу с платком, закрывала невесте голову. Затем ее одевали в самое лучшее платье и вели в часовню.¹⁵ В то время крестная, до прихода из часовни девиц, затапливала баню. Когда девушки возвращались из часовни, в доме накрывали скатертью стол, на него ставили хлеб-соль. Мать завертывала хлеб-соль скатертью, ставила невесте на голову, - провожали ее до порога. Затем хлеб убирали. В баню невесту провожали только самые близкие подружки. Брали с собой в баню блюдо пирогов, бутылку вина. Чтобы не дать невесте ступить на порог бани, божатка или сестра брали ее на плечи («купорки») и переносили на полук, где та и раздевалась. Это делали для того, «шторы муж и свекровь были добры». ¹⁶

В Кирилловском уезде также была известна магия, основанная на поте. Раньше было – «соломатой невесту исшарят, и этой соломатой потом кормят жениха». Когда невеста выпарится, «матка веник не оставляет в бане никогда», чтобы никто его не взял. Невеста вытирала лицо рубахами, которые дарила позже свекру и свекрови.¹⁷

Возвратившись домой из бани, невеста наряжалась в то же платье, в котором ходила в часовню, надевала на голову шляпку (летнюю, даже зимой), закрывала лицо платком, выходила на середину избы и начинала причитать матери, тетке, девицам, ходила по комнате. Так и говорили: «Начнет красоту красить – ходит с лентой по полу». Невеста подавала по очереди каждой из девушек платок, который они держали в руках до тех пор, пока невеста причитала, прощаясь с красной красотой. Затем отворяла окошко и клала платок-красоту на подоконник. После этого девицы играли, а невеста сидела у окна и ждала жениха.¹⁸ «Красоту красить», «прощание с красотой» (термины, зафиксированные в Кирилловском уезде)¹⁹, обрядовые действия с косой и волосами невесты подчеркивали разные этапы расставания с девичьей волей. Особое место в этих обрядах принадлежало

причета́м. Они не только строили драматургию обряда и придавали эмоциональную окраску этому кульминационному моменту в жизни невесты, но нередко подменяли собой реальные действия.

Следующим этапом свадьбы являлось ожидание приезда жениха со сдарьём, т.е. с подарками. В ожидании жениха все прислушивались, как приедет, закричат: «Приехали, приехали! Уж на сарае колокольцы брякают». Когда жених с братом (или племянником) входил в избу, невеста стояла посреди избы и причитала. Жених подходил и дарил на пальтушку (кофту) аршина 3 ситца, затем отходил. Невеста подходила к нему с платами. Он не брал, потому что невеста его не «взвеличала» по имени и отчеству. Все кричали: «Знаешь, знаешь», - и говорили, как зовут жениха. Она поворачивалась и без причета величала, тогда жених брал дары. Затем садились за стол ужинать, невеста - рядом с женихом, а по другую сторону - ее причитальщица. После ужина девицы плясали, а жених с невестой (по старинному обычаю) сидели и участия в веселии не принимали.

К вечеру приходили молодцы, дарили невесте деньги, танцевали, играли. Например, садились попарно на лавки, девица - у молодца на коленях. Парень с девкой ходили по кругу и спрашивали у кого-нибудь: «Каково живешь?». Если ответ был «Хорошо», то оба молодца целовали каждую свою девицу, а если - «Худо», то обменивались девками. Вставали все подряд поочерёдно. Иногда сидели всю ночь. По окончании девичника парни уходили домой, а девушки оставались ночевать у невесты.²⁰

В день венчания невеста вставала причитая, одевалась в простую одежду и садилась на дальнюю лавку в избе. Сестры приносили платье с причитаньями. Затем невеста выходила во всем подвенечном на улицу, обращалась с причетом к односельчанам и возвращалась домой.²¹

Ожидая приезд жениха, у невесты собирались девицы и готовились петь свадебные песни. У жениха собирались человек 15-20 «сваребщиков» и ехали за невестой. Приезжали к невесте, она садилась «под святые» с закрытым лицом. Девицы с песнями встречали жениха на сарае. Когда «сваребщики» входили в комнату, где сидела невеста, их встречали вином и пирогом родители невесты. Девки заслоняли стол, за которым сидела невеста, поэтому жениху приходилось откупать - давал 20, 30, 50 копеек.²² Невеста незаметно через девок уходила. Гости садились за стол и угощались. Жених садился на место невесты. Слева «под святыми» садился божат («тысяцкой»), справа - божатка (свах) и родные, рядом с «тысяцким» - «большой боярин» (брат, дядя, сосед), дальше на углу сват. Друга не садился, он, как говорили, «на ходу». Жених ничего не пил и не ел. Девицы пели песни жениху и «сваребщикам», сначала - «тысяцкому». Он подавал обязательно пряники девицам, затем жениху, свахам, «сваребщикам»: женатому жену «припевают», а холостому - барышню. Затем девица, товарка невесты, выносила на подносе «зайчика», сделанного из платка, а вместо ног - булавки. Тут же на подносе был кисет или пояс. Жених клал деньги. Затем отец (брат невесты или причитальщица) ходил и собирал деньги со «сваребьян». Потом, смотря по деньгам, отец от имени невесты дарил платами (полотенцами). Причитальщица загадывала свахам загадки. После стола жених со «сваребьянами» уходил в другую избу или к соседу обедать.²³

Свахи шли за заборку к невесте с пирогами, привезенными от жениха. Невеста начинала причитать. Свахи подходили и говорили: «Здорово, моя голубушка!». Она кланялась. Свахи через нее ставили блюдо с пирогами на полку над ее головой. Затем невеста дарила свахам полотенца. «Прощай, матушка», - говорили свахи и уходили к жениху. В невестиней избе всё убрали. Мать начинала причитать. Причитальщица говорила невесте, что надо «давать благословенье».²⁴ Невеста просила благословение, кланялась в

ноги. Отец крестил над головой иконой и передавал икону матери. Невеста просила благословение у матери и кланялась в ноги. Затем просила благословение у крестной матери, брата, замужней сестры, тетки, дяди, бабушки. Икону ставили на подлавочник и крепили две зажженные свечи – одну женихову, другую невестину, с которыми они поедут в церковь. Затем невеста шла и причитала, просила благословение у всего народа и садилась со свахой на «поперешнюю» лавку, на которую заранее стелили шубу (непременно воротником к жениху). Сваха сидела по левую руку, а по правую – брат. Невеста обнимала брата за шею и причитала. Приходил жених, выкупал для себя место, давал брату невесты 20 копеек и садился на его место. Отец подходил, брал руку невесты и подавал жениху, чтобы он замотал ее крепко – накрепко носовым платком. Затем отец брал икону и водил ею над головами молодых. После этого теща подходила с «наблудицей» (ширинка, сложенная уголками, под ней – сочень на блюде). Жених пробовал сочень, встряхивал ширинку и передавал свахе спрятать. Дружка или «тысяцкой» звал отца и спрашивал: «Чем детей благословляешь?». Отец показывал и говорил: «Благословляю этой святой иконой. Ангелы с вами». Стол покрывали невестинной и поверх жениховой скатертями. Лежали два хлеба ржаные: женихов наверху и невестин – внизу. Дружка забирал их с собой в короб. Пирог, привезенные с собой, раздавали соседям невесты и трапезнику – сторожу в церкви, а полученные у невесты – раздавали дома своим соседям.²⁵

Одним из свадебных обрядов было «закрывание невесты». В Кирилловском уезде «закрывание», «завешивание» производил дружка. Он доставал из короба хвату (большой шелковый платок или ковровую шаль, посередине которой, «на самом лбу», нашивали медный крест²⁶), клал ее в женихову шапку, а мать обводила ею 3 раза вокруг голов жениха и невесты, затем покрывала фатой невесту и надевала шапку на жениха.²⁷ Невеста оставалась закрытой платком с момента «завешивания» вплоть до застолья в доме молодого после венца.²⁸

В с. Муньга Кирилловского уезда при благословлении невесту ставили на сковороду, положенную в обруч от кадушки. Это делалось для того, чтобы оградить невесту от всякой порчи. Она кланялась в ноги отцу и матери, божаду и боженьке, а они брали икону и, прикрепив к ней свечу, благословляли. После благословения невесту одевали, она прощалась с родными, ее выводили из избы.²⁹

Девыцы запеваали и тоже выходили из избы. Невеста захватывала скатерть и тащила за собой, а девки держали. Если невеста выдергивала скатерть, то перебрасывала ее через воронец, чтобы скорее девки вышли замуж (а они будто не хотели и поэтому держались за скатерть). У дверей невесту захватывали за шубу. Жених старался не обернуться и тащил невесту за собой. Иногда бывало так, что не обернется, девыцы так и отступятся. Если обернулся жених, то считалось, что жена будет мужем распоряжаться. Когда жених провожал невесту к ее лошади, перед ними разметали пол. Затем невеста кланялась жениху и брала вожжи, которые были запутаны девушками заранее, подавала жениху. Он развязывал, если не удавалось, то узлом мог и хлестнуть невесту, чтобы слушалась.³⁰ Пока жених с невестой усаживались, девыцы пели жениху.

В с. Муньга Кирилловского уезда жених и невеста ехали в церковь порознь – каждый из своего дома, причем в Кирилловском уезде сначала привозили жениха, а потом невесту, которую жених встречал на паперти.³¹

Свадебный поезд отправлялся в следующем порядке: впереди ехал сват, затем – жених с «тысяцким», у которого за пазухой невестина икона, далее – невеста со свахами. «Сваребьяне» и дружка ехали последними.

Когда ехали к венцу, то в попадавшихся на пути деревнях крестьяне встречали поезд. Ставили стол, флаг, вино, закуску. Жених выходил первый, ему подавали рюмку, но он не пил, а только держал и давал деньги, сколько желает – 20 коп., 50 коп., 1 руб. «Тысячкой» подходил тоже к столу, а остальных потчевали в санях. Все давали деньги.³²

Поезд ехал скоро, шумно с веселыми песнями под звон колокольчиков и бубенцов. Этим шумом давали знать о приближении свадебного поезда. Седоки обычно, что есть силы, погоняли лошадей и, обгоняя друг друга, кричали во все горло. Свадебный поезд никому не уступал дорогу («никому не отворачивал»), даже если встречался обоз в сто возов.³³

Когда поезд отправлялся в церковь, то дядя (старик) на одной лошади отвозил приданое к жениху, а ключи невеста увозила с собой в церковь. Как говорили: «С подушками едут, приданое отправляют». Дядя, подъезжая к дому жениха, всегда садился на воз, на сундуки. Отец и мать жениха с вином и пирогами угощали его. Когда дядя выпивал и закусывал, слезал с воза. Родители переносили вещи в сенник (чулан). Вынимали все из перины (мешка): сарафаны, шубы, рукавицы, сапоги и развешивали «на грядке». Народ собирался со всей деревни смотреть приданое.³⁴

После венца все ехали в дом жениха. На обратном пути дружка и «тысяцкий» приглашали всех встречающих: «Милости просим к молодому князю хлеба откусать». Родители жениха в дверях встречали: отец - с вином, мать - с пирогами. При входе осыпали хмелем. Свекровка подходила к молодой и снимала покрывало (хвату). Этот обряд в Кирилловском уезде назывался «вскрытие» или «скрытие» невесты.³⁵ Молодая дарила ей большой шерстяной платок зимний «рубля в три».

В Кирилловском уезде первый стол по приезде от венца называли «стол молодых». Новобрачных садили за стол и кормили с одной ложки солomatой. Затем молодые отдыхали часа два. После пробуждения жених с дружкой шли в баню. Перед их уходом молодая дарила мужу рубаху. По их возвращении в баню шли молодая со своей свахой и еще какой-нибудь родственницей. Свекровка с пирогами и вином приходила «окачивать» невестку. За это получала полотенце. После бани все пили и закусывали. Молодая одаривала полотенцами всю родню, за это ей давали деньги 5, 20, 30, 50 копеек. Свекру, свекрови молодая дарила по рубашке, полотенцу и поясу. Раздав дары, все садились за свадебный стол.³⁶

В конце дня мать, свахи и сестра жениха вели молодых спать. Сестра жениха ложилась прежде молодых на постель. Ей дарили полотенце, она тогда уходила. Муж садился на стул, левую ногу поверх другой ноги клал. Молодая ее скидывала, а правую - начинала разувать. Муж ложился, жена у него просилась: «Иван Степаныч! Принимай в товарищи, пусти меня на постель». Муж говорил: «Милости просим». Когда ложились, их окутывали шубными одеялами зимой, а летом - «ватошным».

На другой день утром первыми вставали гости. Молодые вставали и выходили за стол. Все «сваребщики» подходили, здоровались с молодыми. Молодая шла на кухню, брала горчешники (кухонные полотенца) и дарила их свекрови и другим, кто помогал на кухне.³⁷

У жениха гостили сутки и отправлялись все к обеду со свекром, свекровью и родней «нахлибины» к родителям невестки. Молодая, войдя в избу, еще не раздевшись, обносила всех присутствующих пирогами, поставленными на большой поднос. Ночевали ночь и ехали «на отгоски». Свекор, свекровь и жених ехали в подаренных вещах. «На отгоски» ехали только отец с матерью молодой, - погостив, уезжали. Молодая оставалась у жениха до заговенья.

На масленой неделе, в среду, тесть сам ехал за молодым зятем. Его угощали у зятя всегда допьяна. В этот же день тесть вез молодых к себе в гости. Угощали их как можно лучше. Теща всегда угощала с поклонами. В пятницу, субботу и воскресенье молодые с братом жены (за кучера) ехали кататься. За три дня надо было проехаться по всей волости. В каждой деревне лошадь захватывали и молодых не отпускали, пока молодые не выходили из саней. Молодая кланялась на все четыре стороны, затем два раза кланялась мужу, снимала с него шапку и целовала его. Затем надевала ему шапку, кланялась опять два раза мужу и на все четыре стороны и говорила: «Не осудите, люди добрые!». Затем садились и уезжали.

В понедельник утром ходили в баню. После обеда их на своей лошади отвозили домой. В следующие годы приезжали уже в четверг и пятницу. Так возили лет семь.³⁸

Данная статья является началом работы по сбору информации о традициях Кирилловской свадьбы. В дальнейшем хотелось бы продолжить собирать материал по этой теме, изучить музейные коллекции, которые помогут раскрыть тему кирилловской свадьбы более полно. В результате своего исследования я планирую разработать интерактивную экскурсию для молодожёнов с включением старинных свадебных обрядов, которую можно проводить в экспозиции народного искусства Белозерья или в Музее истории города и района.

¹ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 477.

² Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 201.

³ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 480.

⁴ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 202.

⁵ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 203.

⁶ Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области.)- М.: Современник, 1985, С. 30.

⁷ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 204.

⁸ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 491.

- ⁹ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 208
- ¹⁰ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 488.
- ¹¹ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 489.
- ¹² Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 490.
- ¹³ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 495.
- ¹⁴ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 493.
- ¹⁵ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 210
- ¹⁶ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 512.
- ¹⁷ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 217
- ¹⁸ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 223
- ¹⁹ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 514.
- ²⁰ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 254
- ²¹ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 262
- ²² Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 265
- ²³ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 274

²⁴ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 276

²⁵ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 281

²⁶ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 508.

²⁷ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 282

²⁸ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 507.

²⁹ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 540

³⁰ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), с. 283

³¹ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 543.

³² Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 285

³³ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 545.

³⁴ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 285

³⁵ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 554.

³⁶ Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX века. – М.: Наука, 2001, С. 551.

³⁷ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 305

³⁸ Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1999.- 704 с.- Кн.2.- (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. – Т.2), С. 306